

Если бы в человеческом сердце был ящик для эмоций, то в ящике Шэнь Ваньцин раздел, посвящённый семейным чувствам, был бы пуст.

— Ваньцин, — позвал её отец.

— Да, — она подняла голову.

— Тогда я пошёл, — сказал отец, повернувшись, пока сотрудники проверяли его билет.

— Хорошо.

Шэнь Ваньцин никогда никого не провожала, поэтому не знала, что сказать. Она прочистила горло и добавила:

— Позаботься о себе.

Шэнь Тинъюнь с билетом в руке прошёл внутрь, обогнув железное ограждение.

Шэнь Ваньцин прошла через толпу и встала напротив него. Шэнь Тинъюнь с грустью сказал:

— Ты сама позаботься о себе.

Шэнь Ваньцин ответила «хорошо», и неважно, что говорил Шэнь Тинъюнь, она всегда отвечала «хорошо».

Самое печальное, самое горькое, самое болезненное, самое трудное... что бы он ни говорил, она всегда отвечала «хорошо».

Их взгляды встретились, и вокруг словно наступила тишина, мир сузился до пространства между ними.

Телефон Шэнь Тинъюня завибрировал, он достал его и увидел несколько сообщений от Янь Фанхуа.

[Янь Фанхуа]: Редко у вас есть время и возможность побыть наедине, используйте этот шанс.

[Янь Фанхуа]: Ты отец, она ребёнок, ты должен быть ведущим в ваших отношениях.

[Янь Фанхуа]: Обнять на прощание не так сложно, попробуй.

[Янь Фанхуа]: Если мой мужчина станет чуть смелее, скажи Ваньцин: «Ваньцин, папа тебя

любит».

Шэнь Тинъюнь почувствовал смесь эмоций, его сердце забилось быстрее.

Он поднял голову, и Шэнь Ваньцин как раз отвела взгляд в сторону, сказав:

— Иди, я пойду.

Шэнь Тинъюнь дрожащим голосом окликнул её:

— Ваньцин!

Шэнь Ваньцин обернулась, её лицо оставалось спокойным, как всегда, будто даже перед лицом катастрофы она бы не дрогнула.

Он протянул руку и спросил:

— Обнимемся?

Шэнь Ваньцин явно удивилась, щёки сорокалетнего мужчины покраснели, он опустил глаза и повторил:

— Можно обняться?

Она замешкалась, но медленно подошла к нему, и через железное ограждение к ней протянулось крупное тело.

Его объятия были широкими и крепкими, но не такими тёплыми, как объятия Лу Чжися.

В этот момент в её голове мелькнула мысль: «Ах, вот каковы объятия отца. Это странное чувство безопасности я испытываю только с Лу Чжися».

Если подумать, первым человеком, который обнял её в её памяти, была Лу Чжися.

Она замерла в его объятиях, его щетина коснулась её волос, и он тихо прошептал:

— Ваньцин, папа тебя любит.

Он крепко прижал её худое тело к себе, затем отпустил и быстро ушёл.

Взгляд Шэнь Ваньцин затуманился, по её щекам потекли тёплые слёзы, она дотронулась до них пальцами.

Вокруг уже давно ждали журналисты, готовые подойти, как только Шэнь Ваньцин обернётся.

Кто-то мягко взял её за руку, она обернулась, и высокая фигура окружила её, сняв свою шапку и накрыв ею её голову. Знакомый аромат серой амбры, успокаивающий, как только у Лу Чжися.

Лу Чжися обернулась и холодно посмотрела в сторону журналистов, жестом приказав им опустить камеры.

Шэнь Ваньцин была полностью скрыта, но журналисты не сдавались, пока не увидели грозный взгляд Лу Чжися, острый как лезвие.

Затем четверо телохранителей подошли к журналистам, и те вынуждены были уйти.

В машине Шэнь Ваньцин прижалась к Лу Чжися, через некоторое время успокоилась и тихо сказала:

— Он сказал, что любит меня.

— Это же хорошо, — улыбнулась Лу Чжися.

— Мне не нужна его любовь, — сказала Шэнь Ваньцин, её глаза были красными от слёз, но голос стал ещё холоднее.

— А кому тогда нужна? — спросила Лу Чжися, глядя на её лицо.

Шэнь Ваньцин подняла глаза и серьёзно посмотрела на её выразительные черты, её глаза, полные искренности, сказали:

— Твоя.

По дороге домой Лу Чжися вела машину, а Шэнь Ваньцин откинулась на спинку кресла.

Она не сказала, куда ехать, и Лу Чжися просто катала её по городу. Под сенью деревьев дул осенний ветер, прохладный и приятный.

Машина проехала по мосту Хайцзин, вода сверкала под солнцем, а на берегу люди фотографировали пейзажи.

Это была жизнь, которую Шэнь Ваньцин никогда не испытывала — простая жизнь обычного человека, с семьёй, восходами и закатами.

В этот момент зазвонил телефон, как будто в тему, звонили из семьи Шэнь.

Она колебалась несколько секунд, её брови сдвинулись, но всё же она ответила.

На другом конце провода раздался суровый голос Шэнь Юйтана:

— Почему так долго?

Она промолчала, а он продолжил, спрашивая о её свиданиях и дальнейших планах.

Лу Чжися украдкой посмотрела на Шэнь Ваньцин, догадываясь, что на другом конце тот, кто ей не нравится.

Не зная, кто это, Лу Чжися не могла вмешаться, но внутри её кипело, она не терпела, когда кто-то обижал Шэнь Ваньцин.

Шэнь Ваньцин слушала некоторое время, затем сказала:

— Обсудим на следующей неделе дома.

Она сказала «Я повешу» и сама закончила разговор.

Вскоре пришло голосовое сообщение от Шэнь Юйтана, как всегда строгое, говорившее, что она в последнее время стала слишком своевольной, медлит с ответом и быстро вешает трубку, что неприемлемо для поведения по отношению к старшим, и ей нужно быть внимательнее.

Слова «неприемлемо» сопровождали Шэнь Ваньцин с детства, как цепи, сковывающие её.

Люди, вероятно, действительно привыкают к угнетению, боль становится привычной, как и Шэнь Ваньцин, которая, несмотря на былой бунтарский дух, теперь покорно отвечала:

— Хорошо.

Ничего не изменилось, отец ушёл, сказал, что любит её, и её ящик эмоций больше не был пуст.

Слова «папа тебя любит» она считала запоздалыми и бессмысленными.

Тот миг чувств исчез без следа, она даже сопротивлялась воспоминаниям о прощании.

— Я хочу выпить, — вдруг сказала Шэнь Ваньцин.

— Хорошо, — без колебаний ответила Лу Чжися.

Это было то, чего хотела Шэнь Ваньцин. Раньше, когда она хотела что-то сделать, ей всегда говорили: «Не слушайся», «Нельзя», «Не делай так».

Теперь в её мире кто-то говорил «хорошо», даже если это было утро, не самое подходящее время для алкоголя.

Лу Чжися предложила выпить дома, позвать друзей: Цинь Чжэн, Цзян Мэнлай, Е Ланьси и других.

Шэнь Ваньцин не возражала, и Лу Чжися занялась организацией.

Когда Шэнь Ваньцин приехала домой, Лу Чжися уже заказала еду, и горячие блюда были на столе.

Друзья тоже собрались, сели за стол, и Цинь Чжэн, увидев её шрам, хотела спросить, но не решилась.

Е Ланьси шлёпнула её по плечу, как будто ругая сына:

— Твоё лицо — твой козырь, береги его.

Цзян Мэнлай поддержала:

— Ты уже взрослая, нужно беречь себя. Если бы у меня было такое лицо, я бы смеялась во сне.

После небольшой беседы Е Ланьси подняла бокал, и атмосфера за столом сразу же оживилась.

Молодёжь быстро разогрелась.

Лу Чжися сидела рядом с Шэнь Ваньцин, улыбаясь:

— Сегодня я буду обслуживать, пейте вволю.

Шэнь Ваньцин посмотрела на неё, словно говоря: «Молодец».

Конечно, перед тем как пить, нужно было поесть.

Шэнь Ваньцин не хотела есть, но Лу Чжися следила за ней, кормя её, как младенца.

Цзян Мэнлай посмотрела на Цинь Чжэн, лицо которой не выражало особых эмоций, но она редко поднимала взгляд.

Е Ланьси поняла, что Лу Чжися даже не скрывает своих намерений, и всё шло к тому, что у них есть шанс.

Раз уж подруга действительно влюблена, Е Ланьси сказала Лу Чжися всё, что нужно, и теперь должна была поддержать её безоговорочно.

Сегодня роль помощников была на них троих.

Лу Чжися всё рассчитала: три против одного, они справятся.

Особенно Е Ланьси, которая пила как проклятая, Лу Чжися никогда не видела её пьяной.

Трое по очереди поднимали тосты за Шэнь Ваньцин, и если обычно она бы отказалась, сегодня она принимала всё.

В конце концов, Е Ланьси дошла до того, что предложила выпить «за то, что сегодня солнечный день!».

Цзян Мэнлай, работавшая в медиа, пила неплохо, но не ожидала, что сегодня будет битва не на жизнь, а на смерть.

Это было не просто питьё, это было испытание на прочность, и в конце концов она не выдержала, уснув за столом.

Лицо Шэнь Ваньцин лишь слегка порозовело, а Е Ланьси, как главный боец, продолжала пить.

После нескольких раундов её желудок взбунтовался, и она побежала в ванную.

Лу Чжися поспешила за ней с водой, она вырвала, прополоскала рот, вытерла уголки губ и с трудом говорила.

<http://bllate.org/book/15534/1381690>